

УДК-82-94:271.2

Конкина Л.С., Бикеева Е.Г.

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (г. Саранск)

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ
В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Б.К. ЗАЙЦЕВА**

L. Konkina, E. Bikeeva

Ogarev Mordovia State University (Saransk)

**THE PROBLEM OF ORTHODOX CULTURE IN "THE DIARY OF THE WRITER"
BY B. ZAYTSEV**

Аннотация. Статья посвящена проблемам православной культуры, нашедшим отражение в ряде глав «Дневника писателя» Б.К. Зайцева. Публицистика одного из крупнейших русских писателей XX века, как и его художественное творчество, позволяет выявить и охарактеризовать его собственную позицию в отношении Православия. В статье рассмотрены главы, посвящённые паломнической поездке Б.К. Зайцева на Афон, очерк «Оптина пустынь», а также ряд других публикаций. Проведённый анализ позволил выявить и охарактеризовать позицию Б.К. Зайцева в отношении места и значения Православия в русской литературе и культуре в целом, а также его глубоко личное, во многом исповедальное, отношение к вопросам веры.

Ключевые слова: эмигрант, Православие, общественная и политическая журналистика, дневник, заметка, очерк, исповедальность, публицистика, религиозные темы.

Abstract. The article is devoted to the study of the religious themes and the problem of Orthodox culture in "The Diary of the Writer" by B. Zaytsev. The social and political journalism of one of the famous Russian writers of the 20th century, as well as his creative works, allows us to clarify and characterize Zaytsev's attitude towards the Orthodox Church, Orthodoxy and their influence on the Russian culture. The article deals with the chapters of "The Diary of the Writer" on the writer's pilgrimage to Afon; his essay «Optina» and others. The analysis shows the importance of the religious themes in the writer's journalism and their influence on the Russian culture in general. The article also reveals Zaytsev's personal world outlook and confessional character of his journalism.

Key words: emigrant, Orthodox, social and political journalism, the diary, notes, essay, confessional, religious themes.

Публицистическая деятельность Б. К. Зайцева была многогранной и обширной. Продолжалась она на протяжении почти всей его долгой творческой жизни, практически до самой смерти писателя: с 1925 по 1972 год.

«Дневник писателя» Б.К. Зайцева – публицистический цикл, который выходил в одном из самых известных изданий русской эмиграции, – парижской газете «Возрождение» с 1929 по 1932 гг. Он состоял из заметок, эссе, очерков, литературно-критических откликов, нередко имевших большой общественный, политический, религиозный резонанс, особенно в среде русской эмиграции «первой волны». Очень часто писатель обращается к освещению известных событий, отчего получается своеобразный «избыток видения», возникают различные «точки зрения», становящиеся конструктивными особенностями дневниковой прозы Б.К. Зайцева. Своим названием и характером опубликованных материалов зайцевский цикл отсылал к «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевского, и так же, как и у его великого предше-

ственника, представлял своеобразный сплав публицистики и художественного творчества. Вместе с тем «Дневник писателя» Б.К. Зайцева имел и свои особенные черты, обусловленные не только личностью автора, событиями и обстоятельствами его жизни, но и историческим моментом – жизнью русской эмиграции 1920–1930-х годов. Этот цикл несёт в себе важнейшие ценности, присущие русскому народу, прежде всего как народу православному.

Значительное место в «Дневнике писателя» заняли темы, связанные с Православием, жизнью православных общин в эмиграции и монастырей, а также с осмыслением места и значения Православия в истории и культуре России и русской цивилизации в целом. Православный контекст творчества Б.К. Зайцева рассматривался в трудах отечественных учёных. Здесь следует указать работы А.М. Любомудрова [7; 8], М.М. Дунаева [1; 2], И.А. Есаулова [3], Т.М. Степановой [9] и др. Однако религиозно-философская направленность публицистики Б.К. Зайцева ещё не стала предметом такого же подробного изучения. Вместе с тем очевидно, что этот аспект представляет не только взгляд самого писателя на генетическую связь отечественной культуры с Православием, но и показывает, как развивалось понимание места и значения духовной составляющей русской культуры и литературы в публицистике русского зарубежья. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что вопросы духовности, исторической памяти важны для сегодняшней науки о литературе, потому что творчество Б.К. Зайцева – интереснейший пласт отечественной литературы. Его нужно ввести в научный оборот, показать его ценность, социальную значимость и т. д.

Трагический разлом жизни исторической России, который произошел в 1917 году, оказал огромное влияние на судьбы и мировоззрение многих русских писателей. Страдания и потрясения революционных лет приводят их к драматически сложному и глубоко выстраданному внутреннему перелому, свя-

занному с осознанием значения для России и каждого русского человека Православия. Одним из таких писателей был Б.К. Зайцев, который как бы заново открывает в себе неисчерпаемый источник веры – глубокой и искренней. Тема «Святой Руси» найдет в художественном творчестве Б.К. Зайцева периода эмиграции своё глубокое и всестороннее освещение.

Не менее ярко она была представлена и в его публицистике, в том числе и в «Дневнике писателя». Это материалы, связанные с центром вселенского Православия – Святой горой Афон, русскими монастырями – Оптиной и Валааком, великими русскими святыми и подвижниками – Сергием Радонежским, Иоанном Кронштадским, патриархом Тихоном, церковными деятелями русской эмиграции. Особый взгляд на Православие в публицистике Б.К. Зайцева связан с тем, что писатель отводил ему ключевую роль в становлении русской культуры.

В мае 1927 года Б.К. Зайцев совершил паломничество на Афон, а в 1935 году – на Валаам, и поэтому монастырскую жизнь знал не понаслышке. Тема монастыря, уклада монастырской жизни и православной культуры нашли отражение в очерке «Афон», который публиковался в газете «Последние новости», а позднее и в материалах «Дневника писателя» («Возрождение», 1927, окт. – дек.). Эти публикации не только рассказали русскому читателю об Афоне, но и открыли для русской литературы другого Зайцева – паломника и молитвенника за Россию и русских людей.

Через год в том же «Дневнике писателя» («Возрождение. 1929, 27 окт.») [5] Б.К. Зайцев публикует очерк «Оптина пустынь», который пронизан чувством светлой грусти о детстве и воспоминаний о жизни в России, а также глубокого сожаления о том, что, «не раз проезжая в двух-трех верстах от Оптиной, я ни разу её не посетил» [6, с. 68]. Он понимает, что всему виной эмиграция, а отъезд его связан с политическим режимом в России. «Революция надвигалась – злобная, бешено-раз-

рушительная. Оптиная пустынь погибла, т. е. здания существуют, но их назначение иное» [6, с. 72]. Боль и сожаления писателя усиливаются сознанием того, что сейчас той Оптиной, которая возникла близ славного городка Козельска, в которой бывали Соловьёв, Гоголь, Достоевский, Толстой, где жил Леонтьев, уже нет: она «ушла на дно таинственного озера» и во времена «новой татарщины» исчезла, как легендарный Китеж.

Если в первом очерке «Афон» внимание писателя сосредоточено на неповторимых приметах монастырской жизни в центре вселенского Православия – Святой горе Афон, то второй очерк, как часто бывает у Б.К. Зайцева, переполняет авторская эмоциональность, чудное восхищение тем, чего уж нет. Уже не будет в его жизни запаха русского бора, тишины, дорожек, по которым ходил Алеша Карамазов, нет и скита, в котором умирал старец Зосима. В очерке Б.К. Зайцева «Оптиная пустынь» удивительным образом смешивается жизнь реальная и литературная, и герой литературный воспринимается как живое, реальное лицо: для Зайцева и Алеша Карамазов, и Зосима так же реальны, как реален и сам Достоевский.

Сравнивая свои впечатления от Афона и Оптиной, Зайцев подчёркивает, что Оптина – родная, российская, с шумом сосен, запахом цветов, жужжанием пчёл. Над Афоном всегда «веяние Эллады», в Оптиной – скромность и благообразие. Сам образ монастыря прост и незамысловат: «По углам стен – башни. Ямщик привезёт меня в монастырскую гостиницу – большая прелесть в чистых половичках на лестнице, в цветах на окне номера, иконах в углу с теплящейся лампадкой, видами обители на стенах, в запахе кипариса, ладана, постных щей – это всё знакомо по Афону, вероятно, в Оптиной имели еще более русский облик» [6, с. 69].

В описании своих впечатлений Б.К. Зайцев часто прибегает к ассоциативному ряду. И здесь особое место приобретает использование пейзажных зарисовок – «кулик пролетит низко», «поплескивает вода», деталей

интерьера – «икона с теплящейся лампадкой»; бытовых предметов – «чистые половички», «цветы на окнах»; обонятельных образов – «запах кипариса, ладана, постных щей», «пахнет речною влагой, лугами, а главное – сосновым бором» и т. д. Всё это усиливает впечатление, делает картину более «зримой», образно наполненной и художественно оправданной.

Значительное место в очерках Б. Зайцева, помещённых в «Возрождении» и в других эмигрантских газетах, занимает не только тема паломничества и описание монастырской жизни, но и самих монахов и священнослужителей – носителей духовной культуры Православия. В очерке «Оптиная пустынь» Б.К. Зайцев упоминает несколько старцев, подчёркивая, что облик каждого из них совершенно не похож на другого: «О. Леонид, простонародный и прямой с оттенком юродства. Тихий и некрасивый, но просвещённый о. Макарий, любитель духовной литературы и музыки, издающий совместно с Иваном Киреевским писания о. Паисия Величковского (основателя старчества). Наконец, о. Амвросий, наиболее из всех прославленный, быть может, наиболее гармонический и ясный тип оптинского старца» [6, с. 69]. Однако, Б.К. Зайцев отмечает и одну общую черту: «Спокойная и кроткая любовьность – основа их» [6, с. 70].

Особенность очерков Б.К. Зайцева, рассказывающих о святынях и подвижниках Православия, А.М. Любомудров видит во взаимодействии двух планов повествования – мемуарного и документального [7, с. 39]. Зайцев синтезирует свои воспоминания из детства, сопоставляет их с последующими событиями эмигрантской жизни и своими публикациями, в результате чего образуются ассоциативные ряды очерков из цикла «Дневник писателя». В конечном счёте, нивелируется граница между реальным фактом и его субъективным восприятием и отражением в зайцевском повествовании. И поэтому Б.К. Зайцев, ни разу не бывавший в Оптиной пустыни, описывает её так, как будто только

вчера вдыхал запахи бора, его окружающего. Такой приём был назван А.М. Любомудровым «мысленным паломничеством» [7, с. 40]. И, действительно, завершается очерк покаянной мечтой: «И вот, если бы я был оптинским паломником, я ждал бы в солнечном утре выхода о. Амвросия – принёс бы ему грешную свою мирскую душу» [6, с. 70].

Не менее ярко представлены в «Дневнике писателя» и образы священнослужителей. Особый интерес представляет очерк-воспоминание об Иоанне Кронштадском [5]. Б. К. Зайцев впервые увидел этого удивительного человека, когда был ещё гимназистом: «Мы, гимназисты были довольно сонные и забытые существа. Не могу сказать, чтобы приезд Иоанна Кронштадского сильно вывел нас из летаргии. Но странное, как бы беспокойное ощущение осталось... Тишины в нём не было» [6, с. 63]. Встреча с ним оставила неизгладимый след в его сознании, а позднее он обращается к написанию очерка, в котором передаёт в свойственной ему манере впечатления от встречи с выдающимся русским «батюшкой». В истинно «зайцевской» манере импрессионистического взгляда на человека или явление предстают те страницы очерка, в которых он описывает о. Иоанна: «Русская народная природа очень сильно была в нём выражена, эти голубые, совсем крестьянские глаза, полные ветра и полей, действовали неотразимо – особенно когда горели любовью и молитвой. О. Иоанн являлся своего рода «Николой Угодником», ходатаем и заступником, к нему можно обратиться в горе, беде, в болезни – он поможет» [6, с. 65]. Иоанн Кронштадский в воспоминаниях писателя предстает не как князь церкви, а как её великий подвижник и деятель: «Для этого легендарного человека не существовало ни расстояний, ни времени. Он угадывает чужое горе и сразу даёт лечение; он и в толпе *чувствует* близкую и живую душу...» [6, с. 66]. Б.К. Зайцев подчеркивает его народную сущность, близость к той человеческой стихии, которая и вынесла его на вершину народного поклонения и любви.

Говоря о теме Православия и православной культуры в «Дневнике писателя» Б.К. Зайцева, нельзя обойти молчанием и его остро публицистическую заметку «Крест», в которой тема Православной Руси переплетается с темой политического устройства России [5]. Несомненно, поводом к написанию этой главы цикла стало вероломное похищение в январе 1930 года в Париже генерала А.П. Кутепова (главы белогвардейского Русского общевойскового союза), но Зайцев понимает, что это не что иное, как отголосок политического режима Советской России. Здесь сила писательского негодования, казалось, достигает своего наивысшего накала: «На Кресте наша Родина, что говорить, распинают её, на наших глазах распинают, что ни день, глубже вбивают гвозди» [6, с. 97]. Для писателя потеря православной культуры – потеря России, возведение на место крепкого крестьянства, интеллигенции, морали и религии «голового дикаря», лишённого корней и ощущения Родины. И хотя Б.К. Зайцев не раз говорил о своей аполитичности, но многое, что происходило в России тех лет, не позволяло смолчать. «Будем расстреливать в день по пяти человек, это немного, конечно, но – не способ «управиться», но остальных разорим, переморим и «переплавим» так, чтоб из кулака выплавить, скажем, Яновича» [6, с. 96]. Публицистика Зайцева говорит обратное: его боль, его страстная вера в то, что Россия не забудет своих корней, своего прошлого и культуры, воспитанных Православием, пронизывает многие публикации «Дневника писателя».

Т.М. Степанова, говоря о религиозной составляющей творчества Б.К. Зайцева, отмечает: «Зайцев не имел собственной философской доктрины, он не был также абсолютным приверженцем какой-либо философской школы. Упрощённо говоря, эволюция его мировоззрения сводилась к движению «от юношеского пантеизма к православию», но не ортодоксальному, а, в первую очередь, к духовно-нравственному его потенциалу» [9, с. 41].

В.А. Завалишин высказывает важную мысль о том, что нельзя упрощать православно-религиозную настроенность публицистики Б.К. Зайцева – оно представляет собой нечто большее, чем внешняя атрибутика, в ней содержится подлинное содержание евангельской истины: «единство духа и буквы» [4, с. 144].

М.М. Дунаев утверждает, что самое важное в русской литературе – это её религиозное, православное миропонимание. Изначально, по мнению учёного, литература на Руси возникла как духовная, религиозная, а новая литература созидалась на традициях предшествующих веков, и поэтому главная особенность великой русской литературы в том, что она православная. Также Дунаев считал, что: «своё творчество писатели соznавали как служение пророческое (чего остальная, католическая и протестантская, Европа не знала), отношение к деятелям литературы как к духовным прорицателям сохранилось в русском сознании до сих пор» [2, с. 6].

Таким образом, мы видим, что Б.К. Зайцев в «Дневнике писателя» сохраняет и продолжает литературную традицию России. Это может быть обусловлено многими факторами, среди которых можно выделить такие:

1) личная мировоззренческая ориентация на православие, позиция самого автора, его тяготение к вере (паломничества на Афон и Валаам);

2) веками складывающаяся традиция русской литературы (литература на Руси возникла в монастырях);

3) осознание Б. К. Зайцевым единства России и православия;

4) общая тенденция эмигрантов «первой волны».

«Дневник писателя» несёт на себе отпечаток всех этих факторов. В нём мы видим основные ценностные ориентации Б.К. Зайцева, его отношение к текущим событиям через

призму его православного мировоззрения. Создавая свои мемуарные и историко-критические очерки, литературно-критические статьи, рецензии и другие материалы, Зайцев ни разу не отступил от своих идеалов веры, смирения, справедливости.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дунаев М.М. Православие и русская литература: в 6 ч. – Ч. 2. – М.: Христианская литература, 1996. – 320 с.
2. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX вв.: в 2 т. – Т. 1. – М.: Издательский Совет Рус. Правосл. Церкви, 2002. – 1056 с.
3. Есаулов И.А. Духовная традиция в русской литературе [Эл. ресурс]: Иван Андреевич Есаулов: статьи: [сайт]. [2010]/ URL: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?section_id=1220&id=930 (дата обращения 13.02.2012).
4. Завалишин В. К. Борис Зайцев: к восьмидесятилетию // Новый журнал. – 1961. – Кн. 63. – С. 137–145.
5. Зайцев Б. Бесстыдница в Афоне // Возрождение. 1929. 22 сент.; Зайцев Б. Иоанн Кронштадский // Возрождение. 1929. 13 окт.; Зайцев Б. Оптина пустынь // Возрождение. 1929. 27 окт.; Зайцев Б. Вновь в Афоне // Возрождение. 1929. 13 дек.; Зайцев Б. Крест // Возрождение. 1930. 6 февр.
6. Зайцев Б.К. Дневник писателя. – М. : Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына: Русский путь, 2009. – 208 с.
7. Любомудров А.М. «Дневник писателя» Б. К. Зайцева: диалог времен, культур и традиций / А. М. Любомудров // Зайцев Б.К. Дневник писателя. – М. : Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына: Русский путь, 2009. С. 3–53.
8. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья. Борис Зайцев. Иван Шмелев. – СПб. : «Дмитрий Буланин», 2003. – 272 с.
9. Степанова Т.М. Поэзия и правда. Структура и поэтика публицистической прозы Бориса Зайцева. – М. : Московский педагогический университет, 2002. – 250 с.
10. Яркова А. В. Жанровое своеобразие творчества Б.К. Зайцева 1922–1972 годов. Литературно-критические и художественно-документальные жанры. – СПб.: ЛГОУ им. А. С. Пушкина, 2002. 211 с.